

Трагедия семьи Шубарчик: «польская операция» на Южном Урале (1937–1938 гг.)

Р. Ш. Хакимов

Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия. hakra51@mail.ru

Рассматривается так называемая польская операция, репрессивные действия против советских граждан польской национальности, проведенная органами НКВД в 1937–1938 гг. в СССР, и в том числе в Челябинской области. Рассказано об истории семьи Шубарчик, польских переселенцев на Южный Урал, арестованных в ходе операции. Исходя из установки сверху органы НКВД стремились показать организованный характер «контрреволюционной, шпионской и диверсионной» деятельности арестованных в рамках проводимой «польской операции» граждан, и поэтому работниками Управления НКВД было оформлено дело Польской войсковой организации, руководителем организации был признан Виктор Шубарчик. Описывается практика органов НКВД по фальсификации дела и по получению признательных показаний от арестованных. Раскрыты методы работы органов НКВД.

Ключевые слова: «польская операция», поляки, управление НКВД, семья Шубарчик, арест, допрос, следственное дело.

Ранее данная тема — «польская операция» применительно к Южному Уралу не исследовалась. Можно отметить лишь статьи А. В. Чевардина [Чевардин], однако там были рассмотрены только отдельные вопросы репрессивной политики в отношении поляков. Основным источником при написании статьи явилось архивно-следственное дело П-5442, т. 2, хранящееся в фонде Р-467 Объединенного государственного архива Челябинской области (далее — ОГАЧО). И данный источник впервые введен в научный оборот.

История российско-польских отношений никогда не была безоблачной. Советско-польская война 1920 г. привела к тому, что противоречия между странами со временем только усугубились и приняли еще более враждебный характер. Польша в СССР в то время реально воспринималась в качестве вероятного противника. И потому органы ГПУ–НКВД вели слежку за гражданами польской национальности, начиная с середины 1920-х гг. Так, имеются конкретные агентурные данные Управления НКВД по Челябинской области о слежке в 1927, 1933, 1935 гг. за ксендзом Ф. И. Будрисом, за поляками и литовцами: Йодокасом, Макаревичем, для этого имелись секретные сотрудники, завербованные органами НКВД¹. Есть показания о том, что все лица, дома которых в Челябинске посетил ксендз Ф. Будрис для исполнения религиозных обрядов с 5 по 8 апре-

ля 1935 г. (таковых оказалось более 40 человек), были взяты под оперативное наблюдение органов НКВД².

Пик репрессий в СССР пришелся на 1937–1938 гг., определенный как период «Большого террора». Одной из особенностей «Большого террора» стало проведение репрессий по национальным контингентам. Одним из первых подобных приказов стал оперативный приказ НКВД № 00485, или, как его стали называть, «польский приказ». Он был утвержден Политбюро ЦК ВКП(б) 9 августа 1937 г. (П51/564), а 11 августа был подписан наркомом внутренних дел Н. Ежовым и после этого вместе с закрытым письмом «О фашистско-повстанческой, шпионской, диверсионной, пораженческой и террористической деятельности польской разведки в СССР», также предварительно одобренным Сталиным и подписанным Ежовым, был разослан во все местные органы НКВД и стал образцом для последующих репрессивных операций НКВД 1937–1938 гг. по «национальным контингентам».

Приказ 00485 создавал принципиально новый в практике ОГПУ–НКВД процессуальный порядок осуждения. После окончания следствия на обвиняемого составлялась справка «с кратким изложением следственных и агентурных материалов, характеризующих степень виновности арестованного». Отдельные справки каждые десять дней надлежало собирать и перепечатывать в виде

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 73, 74.

² Там же. Л. 73.

списка, который представлялся на рассмотрение комиссии из двух человек — начальника Управления НКВД и прокурора области, края, республики. В задачу «двойки» входило отнесение обвиняемого к одной из двух категорий: первой (расстрел) или второй (заключение на срок от 5 до 10 лет). Затем список отсылался на утверждение в Москву, где его должны были окончательно рассмотреть и утвердить нарком внутренних дел и генеральный прокурор. После этого список возвращался в регион для исполнения приговоров.

Этот порядок осуждения в переписке НКВД вскоре стали называть «альбомным» по причине того, что машинописные списки заполнялись на листах, расположенных горизонтально, сшивались по узкой стороне и внешне напоминали альбом.

Исполнение приказа № 00485 в Челябинской области началось сразу после получения Управлением НКВД по Челябинской области данного документа. В августе (предположительно 12 или 13 числа) 1937 г. начальником УНКВД П. В. Чистовым было созвано совещание. На совещании Чистов дал указание «немедленно приступить к массовым арестам поляков, белорусов, других лиц, проходивших в управлении по оперативным делам... должны включиться все отделы»¹. После этого начальниками отделов стали составляться списки, они же решали вопрос об аресте того или иного лица. На основании составленных списков выписывались постановления об избрании меры пресечения и предъявлялись обвинения (в одном документе). Как признал на допросе с 23 по 26 мая 1955 г. в Управлении КГБ СССР по Челябинской области бывший начальник 3-го отделения 3-го отдела УНКВД В. М. Войцеховский: «...записывалось, что такой-то является участником контрреволюционной шпионско-диверсионной организации, хотя точных данных об участии данного лица в контрреволюционной организации не было...»¹.

В Челябинске, как и по всей стране, как и было определено приказом № 00485, операция началась 20 августа 1937 г. В этот день прошли массовые аресты и было арестовано около 60–80 человек². Как отмечает арестованная в это день Янина Матвеевна Шубарчик: «...меня доставили в тюрьму в этот же день, и ночью было свезено очень много мужчин и несколько женщин польской национальности. Увидев много поляков в тюрьме, я ре-

шила, что, видимо, произошел конфликт между СССР и Польшей»³. И, как отмечает В. М. Войцеховский, в период проведения массовых операций примерно до сентября 1938 г. весь оперативный состав Управления был занят проведением массовых операций и оформлением дел на арестованных лиц. Чтобы справиться с большим объемом дел, была привлечена группа курсантов пограничной школы НКВД. По признанию В. М. Войцеховского: «В начале операции прокурор не на всех лиц давал согласие, но на него кто-то нажал и прокурор затем на всех лиц давал санкцию на арест». И тогда же, в августе, у руководства УНКВД возник замысел раскрыть крупную польскую организацию.

Архивно-следственное дело № П-5442, или дело В. М. Шубарчика и еще 13 человек, привлеченных вместе с ним, является одним из наиболее громких в «польской операции» по стране. Оно отличается тем, что по нему проходят несколько близких родственников семьи Шубарчик: братья и сестры, их жены и мужья. Также имеется ряд особенностей: во-первых, раскрытие крупной организации, во-вторых, связь с другими территориями (Уфа, Свердловск, Пермь); в-третьих, разветвленность низовых структур. Руководство УНКВД по Челябинской области проявляло особое старание и рвение, чтобы быть замеченным в Москве. Этому была причина: с 29 июня 1937 г. новым начальником УНКВД по Челябинской области стал Павел Васильевич Чистов, ранее работавший заместителем начальника УНКВД по Свердловской области. В декабре 1937 г. начальник УНКВД по Челябинской области П. В. Чистов сказал подчиненным, что область отстаёт в своём развитии, а между тем чекисты, покончив с врагами, могли бы «сделать её образцовой». После этого Чистов стал распределять роли между коллегами: «Я бы, например, был первым секретарём обкома, Луговцев — вторым, Лапшин — председателем облисполкома..., Чернов и Придорогин — секретарями горкома»⁴.

Как позже, в ходе проверки в мае 1954 г. было признано, «...всего за 7 месяцев работы Чистова в УНКВД по Челябинской области Тройкой УНКВД с его участием было осуждено 12 тысяч 480 человек, из них 5 980 человек к расстрелу»⁵. Работа П. В. Чистова была достойно отмечена

³ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 131(об).

⁴ Вепрев О. В., Лютов В. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале. — Челябинск: ЮУКИ, 2002. — С. 306.

⁵ Там же. — С. 284.

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 10.

² Там же. Л. 59.

Москвой: 12 декабря 1937 г. он был избран от Челябинской области депутатом Верховного Совета СССР первого созыва, 19 декабря 1937 г. был награжден орденом Ленина, а 26 февраля 1938 г. был переведен начальником УНКВД по Донецкой области Украинской ССР. Во многом это было оценкой его деятельности по раскрытию дела «ПОВ» и проведению «польской операции» в Челябинской области.

Как отмечал бывший работник УНКВД по Челябинской области В. М. Войцеховский, дело В. М. Шубарчика было на особом контроле у заместителя начальника Ф. К. Луговцева. 5 сентября Ф. К. Луговцев информировал наркомат внутренних дел о раскрытии в Челябинской области ПОВ. Для этого он и начальник УНКВД П. В. Чистов лично «откорректировали» протокол допроса В. М. Шубарчика от 5 сентября 1937 г. и он был заново отпечатан на машинке, 8 сентября подписан Шубарчиком и в таком виде был направлен в Москву¹. После этого, по показаниям В. М. Войцеховского, Ф. К. Луговцев составил список, в котором указал лиц, проходящих по «показаниям» Шубарчика и кто из оперативных работников должен вести дело на то или иное лицо, указанное в списке, а также кто из арестованных и на кого должен дать показания как на участника ПОВ². Очень характерным для характеристики всего дела Шубарчика является признание бывшего работника Управления НКВД С. С. Пикман: «Войцеховский рассказывал, что Чистов говорил, что если обвиняемый покажет с мизинец, то ему надо записать по локоть»³. Со стороны руководителей УНКВД по Челябинской области была также попытка оформить наличие в области так называемой КНП-13 (командно-начальственного пункта) как руководящего центра, однако, когда выяснилось, что таких «КНП» по СССР только три — КНП-1, КНП-2, КНП-3, тогда Ф. К. Луговцев дал команду своим подчиненным никаких выходов на КНП-13 не производить⁴.

Тем не менее деятельность П. В. Чистова и Ф. К. Луговцева позволила создать крупное дело с выходом на Башкирию и области Урала (дело № 7799010) с охватом 188 человек только по Башкирской АССР. Например, как следует из дела 7799010: «Характерно, что само название «Польская организация войскова» (*Polska Organizacja Wojskowa* — Польская Организация Войскова, или

ПОВ) стало фигурировать в материалах дела лишь после приобщения к делу копии протокола допроса В. М. Шубарчика от 8 сентября 1937 г. До конца сентября 1937 г. это название не упоминалось ни в протоколах допроса, ни в других материалах»⁵. Происходило прямое фальсифицирование дела об организации «ПОВ» в Челябинской области. Как позднее отмечал бывший работник Управления НКВД В. М. Войцеховский: «Текст о целях и задачах “ПОВ” был вписан в “протокол допроса” Шубарчика В. М. из имевшихся тогда в Управлении ориентировки НКВД СССР, а практическая деятельность каждого “участника” контрреволюционной организации выдумывалась в зависимости от места работы арестованного»⁶.

Виктор Матвеевич Шубарчик, 1900 г. рождения, образование 5 групп школы, последнее место работы — слесарь-монтажник 7-го участка стройпути ЮУЖД, происходил из большой семьи поляков, высланных из Польши на Урал в 1880-х гг. Матвей Шубарчик приехал на Урал с четырьмя сыновьями и двумя дочерьми и стал заниматься крестьянским трудом. По словам С. М. Захарук, его дочери, до 1917 г. он имел 50 десятин земли, до 18 коров, несколько лошадей, овец до 20 голов, бревенчатый дом под железом⁷. В хозяйстве работали все дети, был только один постоянный работник и на сезон нанимали еще работников. И, учитывая большой состав семьи, нельзя говорить о большом богатстве семьи Шубарчик. Часть земли Шубарчик сдавал в аренду для углекопов, потому что на его землях были и угольные пласты. Имеются в деле еще показания И. И. Богуш о том, что Матвей Шубарчик «...был полупомещик, имел 3 дома, 20 лошадей, 40 коров и до 100 овец и что за откуп земли [Шубарчики. — *Авт.*] получили в 1910 году 30000 рублей золотом»⁸. Однако имеются показания С. М. Захарук о негативном отношении Богуша к семье Шубарчик.

После смерти М. Шубарчика в 1926 г. хозяйство перешло к сыну Виктору. Но хозяйство уже сократилось: земли осталось 15 десятин. У него в 1926–1927 гг. в хозяйстве работал Гордей Федорович Матюкин, 1903 г. рождения. 16 июня 1955 г. Г. Ф. Матюкин дал показания в Управлении КГБ: «...меня [Шубарчик. — *Авт.*] не обманул, когда обещал неплохие условия работы. Пока я жил у него, он мне хорошо оплачивал, одевал, жил у него в доме, питался за одним столом

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 16.

² Там же. Л. 26.

³ Там же. Л. 60.

⁴ Там же. Л. 24(об), 25.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 80.

⁶ Там же. Л. 376.

⁷ Там же. Л. 125 (об).

⁸ Там же. Л. 126.

с хозяевами... он всегда относился ко мне хорошо. Семья из трех человек: мать Виктора, сестра Нина (Янина), брат Франц. Нина и Франц тогда были детишками и учились в школе... был очень трудолюбивый, в обращении со мной был простой, против мероприятий Советской власти Виктор никогда не высказывался..., была семья религиозной, часто ездили в Челябинск, в костел, других работников кроме меня не было»¹. В 1930 г. Виктор Матвеевич Шубарчик был раскулачен, всё хозяйство было конфисковано, сам был арестован, несколько месяцев находился под арестом, был освобожден, жил в статусе спецпоселенца, был лишен избирательного права. В 1935 г. В. М. Шубарчик был восстановлен в правах².

Возникает вопрос: почему именно Виктор Матвеевич Шубарчик был определен руководством Управления в качестве организатора и руководителя организации «ПОВ» в Челябинской области? Это, конечно, кроме его национальной принадлежности, объясняется рядом причин. Во-первых, В. М. Шубарчик ранее был достаточно крупным собственником земли и имел свое также крепкое хозяйство, т. е. по советской терминологии являлся «эксплуататором». Во-вторых, В. М. Шубарчик имел большое количество родственников — братьев, сестер, в-третьих, имел связь с границей, одна его сестра — Ядвига проживала в Литве.

20 августа 1937 г. была арестована сестра В. М. Шубарчик, Янина Матвеевна Шубарчик, 1910 г. рождения, работала в Челябинском облпотребсоюзе экономистом. Отметим методы работы НКВД, проявившиеся во время ареста. Рассказывает Я. М. Шубарчик: «Я была приглашена на допрос под предлогом ознакомления с содержанием книг на польском языке, изъятых у меня во время обыска и была арестована без предъявления ордера на арест»³. Ее обвиняли в том, что она является членом ПОВ и с 1933 по 1937 г. неоднократно ездила в Курган и увозила две пирокселиновые шашки и передавала их Синкевичу и Юркевичу, чтобы они взорвали беконную фабрику и мясокомбинат, где они работали⁴. Я. М. Шубарчик в своем заявлении от 6 марта 1954 г. Председателю Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилову напишет «Я же в жизни никогда даже не слышала о существовании ПОВ и также никогда не знала никакого Синкевича, ни Юркевича, единственный раз была

в Кургане в служебной командировке, не помню сейчас, точно в 1934 или в 1935 году» и резонно задает вопрос: «...откуда я взяла пирокселиновые шашки, ведь такие вещи не продаются в магазине»⁵. Я. М. Шубарчик постановлением Особого совещания 7 сентября 1937 г. была осуждена на 10 лет заключения в ИТЛ.

20 августа также был арестован Александр Николаевич Захорук, муж Софии Матвеевны Захорук, главный бухгалтер Челябинского спиртзавода, в ночь на 21 августа — Давид (Исаак) Исакович Кабельский.

14 октября 1937 г. по делу Шубарчик была арестована и сама С. М. Захарук (Захорук), сестра В. М. Шубарчик. Она была обвинена в том, что «зная о преступной деятельности мужа, не сообщала об этом органам НКВД и защищала мужа до последнего момента»⁶. Из архивно-следственного дела следует, что Захарук (Захорук) София Матвеевна, 1907 г. р., место рождения — Польша, Седлецкая губерния, Владавский уезд, с. Полюбичи, полячка, партийность — б/п, образование — низшее, социальное происхождение — из крестьян (кулаков), проживала — Челябинская обл., г. Челябинск, домохозяйка. 28 апреля 1938 г. она была осуждена по статье 58-12 УК РСФСР Особым совещанием при УНКВД СССР по Челябинской области к 10 годам заключения в ИТЛ⁷.

3 февраля 1938 г. был арестован Франц Матвеевич Шубарчик, 1912 г. рождения, маркшейдер шахты, проживавший в городе Копейске Челябинской области⁸. Следует отметить, что по делу Шубарчик были привлечены люди из самых разных учреждений и самых разных профессий. Среди арестованных по этому делу был бухгалтер областного суда, сметчик коммунального хозяйства ЧТЗ, слесарь курганского свиновхоза, временно не работавший, несколько домохозяек. И это уже вызывает вопрос — что могло их объединять, кроме национальности?

Особенностью дела Шубарчик также было то, что к нему целенаправленно привязывали в качестве организатора и вдохновителя создания ПОВ известного католического деятеля — ксендза Франтишека (Франциска) Игнатъевича Будриса (14.10.1885–16.12.1937). От В. М. Шубарчика добивались признания в том, что его в 1935 г. в ПОВ завербовал именно Будрис, в один из своих при-

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 137, 137(об), 138, 138(об).

² Там же. Л. 113, 126.

³ Там же. Л. 131 (об).

⁴ Там же. Л. 4.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 5.

⁶ Там же. Л. 11.

⁷ ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 9161.

⁸ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 111(об).

ездов в Челябинск¹. Ксендз Ф. И. Будрис, проживавший в Уфе, в 1934–1937 гг. был практически единственным священником, обслуживавшим католиков на огромной территории между Волгой и Обью. Он, несмотря на все преследования властей, продолжал ездить по местам проживания католиков, в том числе не раз был в Челябинской области и исполнял религиозные обряды. 17 июня 1937 г. он был арестован в Уфе, а затем расстрелян. В деле Шубарчик упоминается и епископ Неве как руководитель ПОВ на территории СССР, работающий через ксендзов, в частности через Будриса. Разъездная пасторская деятельность ксендза Будриса позволяла органам НКВД «формировать» на этой основе целую сеть ПОВ. Так, например, имеется протокол допроса работниками УНКВД по БАССР от 15 сентября 1937 г. Ф. И. Будриса, где он раскрывает сеть своих агентов в Уфе, Перми, Тюмени, Челябинске, Кирове².

Ф. И. Будрис на допросе 15 сентября сделал признание о том, что он в Уфе завербовал 5 человек, в Кирове — 2, в Перми — 8 человек, в Тюмени одного человека, по фамилии Соболевский, имени и отчества Будрис не помнил, в Челябинске — В. М. Шубарчика и Александра Верниковского³. Через линию Ф. И. Будриса работники УНКВД по Челябинской области выходили на своих коллег из Башкирской АССР. Они также оформили свое «польское дело» — дело № 77990 объемом в 11 томов. Управлением НКВД по БАССР было арестовано 102, а по другим данным 188 человек. Пик арестов, как и в Челябинске, пришелся на август 1937 г. — 34 человека, в сентябре — 23, в октябре — 11, в ноябре — 23, остальные были арестованы в декабре⁴. Отметим, что «польская операция» проводилась тогда по всей стране. Это видно и из переписки между органами НКВД разных областей и республик СССР, которые имеются в «деле Шубарчика» (Башкирская АССР, Белорусская ССР, Харьковская область Украинской ССР).

Религиозная составляющая в деле Шубарчик была обусловлена лишь тем, что поляки выражали недовольство преследованием католической религии, закрытием костела [костел в Оренбурге был закрыт 10 января 1932 г., а в Челябинске костел был взорван в 1936 г., в Свердловске в 1930-е гг., в Перми — в 1935 г. — *Авт.*] и невозможностью проводить молебны.

Бывшие работники УНКВД Войцеховский, Казаков, Пикман, Еськов на допросе 26 мая 1955 г. в Управление КГБ СССР по Челябинской области дали показания о том, что ПОВ была искусственно создана в Управлении НКВД по Челябинской области⁵. По признанию В. М. Войцеховского, никаких оперативных материалов о наличии в Челябинске ПОВ совершенно не было⁶. Это же было подтверждено последующей запиской Челябинского обкома КПСС, когда после смерти И. Сталина стали перепроверяться все следственные дела НКВД.

22 января 1956 г. секретарь Челябинского обкома КПСС М. С. Соломенцев направил секретарю ЦК КПСС А. Б. Аристову материал о репрессиях в Челябинской области, где наряду с другими отмечались нарушения законности по отношению к гражданам польской национальности и приводились факты фальсификации дел.

Приведем фрагмент записки начальника УКГБ по Челябинской области, полковника Шмыгина:

«...Характерными делами в смысле извращения социалистической законности являются дела на так называемых участников контрреволюционной, шпионской, диверсионной организации «Польской организации войсковой». В частности, в 1937 году по подозрению к указанной организации была арестована группа поляков: Шубарчик, Захорук, Лашевский и другие, в количестве 13 человек.

Проверкой по этому делу установлено, что дело было создано искусственно. Допрошенный в ходе следствия свидетель Войцеховский, бывший начальник 3-го отделения 3-го отдела УНКВД по Челябинской области, проводивший следствие по делам Шубарчик и других лиц, привлекавшихся к ответственности за принадлежность к «Польской организации войсковой», показал, что дело на Шубарчик и других было сфабриковано бывшим руководством УНКВД при его — Войцеховского участии.

Войцеховский, в частности, показал, что в августе 1937 г. Управлением НКВД по Челябинской области была арестована большая группа лиц иностранцев, в том числе поляков, без наличия достоверных материалов об их контрреволюционной деятельности. В связи с тем, что арестованные полностью отрицали свою принадлежность к контрреволюционной организации и проведение ими вредительской работы, руководящими

¹ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442 Т. 2. Л. 14 (об), 17, 79.

² Там же. Л. 82, 84–87.

³ Там же. Л. 84–86.

⁴ Там же. Л. 80, 376.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 85.

⁶ Там же. Л. 13.

работниками УНКВД по Челябинской области при его — Войцеховского — участии был сфабрикован протокол допроса Шубарчик от 5 сентября 1938 г.

В этом протоколе сам Шубарчик был изображен как организатор и руководитель «Польской организации войсковой» в г. Челябинске (хотя, как заявил Войцеховский, по своему образованию и степени развития [он] быть таковым не может), а другие арестованные или намечавшиеся к аресту лица были включены в протокол Шубарчика как члены этой организации или руководители групп «Польской организации войсковой» на отдельных предприятиях.

При фальсификации протокола допроса Шубарчика Войцеховским в текст протокола были внесены цели и задачи «Польской организации войсковой» из имевшейся в УНКВД ориентировки с учетом обстановки, в которой проживали и работали лица польской национальности в г. Челябинске.

Путем незаконных методов следствия Шубарчик был вынужден подписать этот так называемый протокол допроса.

Войцеховский также показал, что фактически Шубарчик на следствии в 1937 г. не дал показаний о принадлежности к «Польской организации войсковой» и говорил, что даже не знает о существовании такой организации.

Проверкой также установлено, что УНКВД по Челябинской области ко дню ареста Шубарчик, Захорук и других оперативными материалами о принадлежности их к так называемой «Польской организации войсковой» не располагало.

УНКВД не имело также и других материалов об их работе против Советской власти. Несмотря на это, Шубарчик, Захорук и другие осуждены к ВМН по сфальсифицированным материалам¹.

Действительно приговор по делу В. М. Шубарчика и других, проходивших по одному делу, был предельно жестоким. Были расстреляны В. М. Шубарчик, А. Н. Захарук, Ф. Ф. Шигель, М. Ю. Лощевская, И. М. Шинявский, И. М. Петлинский, Д. И. Кабельский, С. И. Чернохович, В. А. Синкевич, Б. С. Лясото, были осуждены на 10 лет заключения в ИТЛ Я. М. Шубарчик, С. М. Захарук, Ф. М. Шубарчик. После 1953 г. все участники дела были реабилитированы:

¹ Реабилитация: как это было. Документы Президиума ЦК КПСС и другие материалы : в 3 т. Т. 1. Март 1953 — февраль 1956 / сост. Артизов А. Н., Сигачев Ю. В., Хлопов В. Г., Шевчук И. Н. — М. : МФД, 2000. — С. 303–307.

В. М. Шубарчик — решением Военной коллегии Верховного Суда СССР от 25 сентября 1956 г., Я. М. Шубарчик — от 29 сентября и другие).

Грубейшие нарушения законности были также признаны после проведения проверки следственных дел 1930-х гг., последовавшей после разоблачения культа личности Сталина. В частности, в материалах проверки, проведенной 27 марта 1958 г. Управлением КГБ при СМ СССР по Челябинской области о деятельности работников НКВД по городу Магнитогорску в 1937–1938 гг., было отмечено: «Следователям поручалось вести дела, в которых были только одни заявления о признании и больше никаких материалов не было. Протоколы допроса писались на их признательных заявлениях в отсутствие самих обвиняемых. К арестованным применялись *стойки*. Допрошенные в суде бывшие работники Магнитогорского ГО НКВД Попов, Матофонов, Назаров, Иванов, Малярин, Плюснин подтвердили, что в Магнитогорском ГО НКВД для получения от арестованных признательных показаний применялись меры физического воздействия, проводилась камерная обработка арестованных, фальсифицировались протоколы допроса обвиняемых»².

Работники Магнитогорского горотдела НКВД применяли такие методы, как «стойка» — выстаивание на ногах по несколько часов, «парилки» — помещение в переполненную камеру без всякой вентиляции. Также применяли камерную обработку через «колдунов» — часть специально подготовленных руководителями горотдела арестованных, которые занимались склонением арестованных к даче на себя показания в том, что они являлись якобы агентами иностранного разведоргана и, проживая в Магнитогорске, проводили подрывную деятельность³. Стойка представляла собой пытку в форме длительного (в течение даже нескольких суток) стояния на ногах. При этом ноги распухали и кожа на них лопалась. Подследственный падал и, если соглашался давать показания, то ему разрешали присесть и в присутствии других продолжавших стоять на «стойке» он начинал давать показания.

Особым изобретением Управления НКВД по Челябинской области стал барак № 18. Это было специальное помещение для арестованных, оно находилось на территории исправительно-трудовой колонии (ИТК) на ЧТЗ и было организовано в первых числах марта 1938 г. В бараке находилось свыше 400 арестованных, среди них нема-

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 5567. Л.38.

³ Там же. Л. 39.

ло было бывших уголовников. Старостой барака был назначен арестованный Далиев — «участник террористической группы контрреволюционной организации правых», бывший начальник учебно-боевой подготовки челябинского спортивного общества «Динамо», в прошлом тяжелоатлет и борец. Как пишут исследователи О. В. Вепрев и В. В. Лютов: «Перед Далиевым поставили задачу способствовать «разоружению» арестованных, то есть убеждать их писать заявления на имя следствия с признанием своей вины. В помощь ему был выделен так называемый «актив», то есть группа арестованных. При этом в тех случаях, когда убеждения не действуют и арестованный не признается, Далиев уполномочивался с «согласия» всей камеры применять к несогласным репрессивные меры — стойку у параши, стойку на табуретке и т. п. Для того чтобы легче получить согласие камеры на применение таких мер, был введен принцип круговой поруки — при наличии хотя бы одного не разоружившегося все арестованные лишались ларька, бани, передач.

В результате подавляющее большинство арестованных стало писать заявления без применения каких-либо мер воздействия. Несознавших Далиев ставил у параши. В отдельных случаях стойка продолжалась до 5–6 суток; были случаи, когда Далиев заставлял стоять на коленях на перекладинах перевернутой табуретки. Побои являлись исключением, но по показаниям арестованных, имели все же место — был случай, когда арестованному нацмену [национальное меньшинство, общепринятое тогда в СССР название нерусских. — *Авт.*] сломали позвоночник при заталкивании его в парашу. Всё это производилось публично, на глазах у сотен арестованных, при этом следователь заходил в барак и разговаривал с находившимися на стойке, так что камера знала, что Далиев действует с согласия следствия...»¹.

Здесь проявлялось полное пренебрежение и отказ работников УНКВД от норм следственно-процессуального производства, что можно квалифицировать как полный правовой беспредел и глумление над законом.

Франц Матвеевич Шубарчик, отбыв 10 лет заключения в ИТЛ, в мае 1955 г. сделал такое признание следователю Управления КГБ при СМ СССР по Челябинской области: «Я подвергался избиению со стороны работников следствия, ко мне применяли так называемые “стойки” — стояние на ногах в углу по команде “смирно”, кроме того меня заставляли стоять на коленях

на стуле до 10 часов подряд... с допроса меня выносили на руках, так как самостоятельно двигаться я уже не мог»².

Политические репрессии страшным катком прокатились по судьбам людей, уничтожая и сминая их. Это можно увидеть на примере жизни Янины Матвеевны Шубарчик. После осуждения в 1937 г. она десять лет находилась в заключении в ИТЛ. Но даже там, в нечеловеческих условиях, она добросовестно работала, выполняла норму, была стахановкой, получала почетные грамоты. По окончании срока, в 1948 г. Я. М. Шубарчик вернулась в Челябинскую область, в г. Копейск, где жили брат и сестра, стала работать на шахте 42-бис треста «Копейскуголь» в качестве плановика. Как пишет сама Я. М. Шубарчик: «...честно работала, была счастлива, что всё пережитое позади, снова воспрянула духом, что я равноправный гражданин, живу тихо, скромно, безупречно, казалось мне, веду себя как на производстве, так и в быту. Но недолго мое счастье продолжалось. 18 февраля 1950 г. была снова арестована прямо на шахте... Снова следствие, снова обвинение в контрреволюционной деятельности... никаких фактов мне не предъявили, были только общие фразы». Прокурор беседовал с Я. М. Шубарчик и сказал, что это проверка дела 1937 г. и вы вернетесь к своей работе, но вместо этого Я. М. Шубарчик в августе 1950 г. была выслана в Казахскую ССР, в Карагандинскую область. И везли, по ее словам «через пересыльные тюрьмы, как преступницу». На работу Шубарчик не берут: у нее нет паспорта, есть только справка спецкомендатуры. С трудом устраивается работать хронометристом на шахту, но три раза в месяц она за 5–6 км ходит отмечаться в спецкомендатуру. И через некоторое время Я. М. Шубарчик увольняют по сокращению штатов, по причине ее неблагонадежности, у нее к тому же развивается туберкулез легких. Она с болью и отчаянием пишет: «Все выше изложенное меня окончательно убило морально. Я не могу вынуть сердце и показать, что оно абсолютно чистое и сознание здоровое, что я честный советский гражданин»³. Я. М. Шубарчик также отмечает, что она училась в советской школе, в техникуме и у ее родителей была возможность в 1919 г. вернуться в Польшу, но они отказались. Я. М. Шубарчик к этому времени была одинокой, не имела семьи и просила председателя Президиума Верховного Совета

² ОГАЧО. Ф. Р-467. Архивно-следственное дело П-5442. Т. 2. Л. 111.

³ Там же. Л. 7.

¹ Вепрев О. В., Лютов В. В. Указ. соч. С. 310.

СССР К. Е. Ворошилова снять с нее судимость и вернуть ее к родным, «чтобы не чувствовать морального гнета ссыльной».

«Польская операция», являясь составной частью «Большого террора», имела и свои особенности. Репрессии проводились исходя из национальной принадлежности, хотя в ходе следствия учитывали и социальную принадлежность («бывший помещик», «офицер», «священнослужитель»). Проявлялось стремление органов НКВД оформлять дела не как индивидуальные, а с наличием больших организованных подпольных структур. Также отмечалось стремление выво-

дить эти структуры на тесную связь с Польшей, с Польской организацией войсковой, что поднимало значимость следственных дел. Необходимо отметить, что «польская операция» была инспирирована высшим политическим руководством СССР, ей придавалось особое значение и она была на контроле Москвы. И потому при ее проведении на местах (это видно на примере Челябинской области) руководители Управления НКВД проявляли особое рвение в своих следственных действиях и особую жестокость по отношению к арестованным полякам. Проявилась и особая жестокость при вынесении приговоров.

Список литературы

1. Вепрев, О. В. Государственная безопасность: три века на Южном Урале / О. В. Вепрев, В. В. Лютов. — Челябинск : ЮУНИ, 2002. — 448 с.
2. Чевардин, А. В. Судьба польских спецпереселенцев (1941–1943) в уральском регионе / А. В. Чевардин // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. — 2008. — № 55, вып. 15. — С. 226–233;
3. Чевардин, А. В. К вопросу о существовании на Урале «Польской военной организации (ПОВ) в 1930-е гг. / А. В. Чевардин // Урал индустриальный : материалы V региональной научной конференции. — Екатеринбург, 2003. — С. 380–382.

Сведения об авторе

Хакимов Рашид Шавкатович — кандидат исторических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков, Челябинский государственный университет. Челябинск, Россия. *hakra51@mail.ru*

Magistra Vitae: online journal of historical sciences and archeology.
2021. No. 2. P. 17–24.

Tragedy of the Shubarchiks: «Polish operation» in the Southern Urals (1937–1938)

R.S. Khakimov

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia. hakra51@mail.ru

The article examines the so-called «Polish operation», i. e. repressive actions against Soviet citizens of Polish nationality, carried out by the NKVD authorities in 1937–1938 in the country, including the Chelyabinsk region. The article discusses the story of the Shubarchik family, Polish migrants to the South Urals, arrested during the operation. Being bossed, the NKVD authorities sought to show the organized nature of the «counter-revolutionary, espionage and sabotage» activities of the citizens arrested as part of the ongoing «Polish operation». The work describes the practice of the NKVD bodies on falsification of the case and receiving confessions from the arrested. The study reveals the methods of work of the NKVD bodies.

Keywords: «Polish operation», Poles, NKVD department, Shubarchik family, arrest, interrogation, investigative case.

References

1. Veprev O.V., Lyutov V.V. *Gosudarstvennaya bezopasnost': tri veka na Yuzhnom Urale* [State security: three centuries in the Southern Urals]. Chelyabinsk, 2002. 448 p. (in Russ).
2. Chevardin A.V. The fate of Polish special settlers (1941–1943) in the Ural region // *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 2, Humanities. 2008. No. 55, issue. 15. pp. 226–233.
3. Chevardin A. V. On the question of the existence in the Urals of the “ Polish military organization (POV) in the 1930s. // *Ural Industrial. Materials of the V regional scientific conference*. Yekaterinburg, 2003. Pp. 380–382.